

Обрывалина О. А.
МГУ им. М. В. Ломоносов
Русија

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ¹

SOCIAL CONTROL AND INEQUALITY IN MODERN SOCIETY

ABSTRACT The article reveals the interdependence of social control and inequality in society, describes new forms of social inequality caused by specific social control techniques. This analysis allows author to identify the problem field of integrated studies of social inequality and social control.

Key words: social control, post-disciplinary control, stratification, social inequality, exclusion.

АННОТАЦИЯ В статье анализируется взаимообусловленность и взаимное влияние социального контроля и неравенства в обществе. Автором описываются новые измерения социального неравенства, возникающие в связи с применением определенных техник социального контроля, а также определяется проблемное поле дальнейших исследований.

Ключевые слова: социальный контроль, постдисциплинарный контроль, стратификация, социальное неравенство, эксклюзия.

О сопряжении социального контроля и неравенства можно говорить в нескольких аспектах. Перечислим некоторые из них, и остановимся на тех, что приобретают особую значимость в контексте современности.

Согласно раннему широкому пониманию, социальный контроль определялся как базовый механизм поддержания социального порядка, регулирования общественных процессов и отношений, и их реформирования. Однако, очевидно, что обратной стороной стабильности и заботы о ее сохранении может оказаться «замораживание» существующей социальной организации общества, социальной структуры, системы распределения экономических благ и т.д. Так, например, в 1970-80-х годах в американском академическом сообществе широко обсуждалась социальная политика государства благосостояния. За очевидной заботой об уровне жизни населения и помощи нуждающимся в поддержке был обнаружен механизм контроля эстеблишментом различных групп населения и их настроений (Gough, 1989). Критическому анализу подверглись также управление системой образования, ее влияние на социальную структуру и формирование конформизма (Field, 1970; Willis, 1977), и право как способ регулирования социальных отношений, с одной стороны, и инструмент

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 13-33-01036).

реализации интересов кругов находящихся у власти, с другой (Skolnick, 1966; Akers, Hawkins, 1975).

Тем самым в отношении неравенства социальный контроль может выступить, с одной стороны, как средство его элиминирования, а с другой – поддержания и конструирования. Широкая трактовка социального контроля со временем потеряла свою популярность и уступила место узкой. Однако даже рассматривая в рамках последней социальный контроль как механизм противодействия девиантному поведению, социологи отмечают названную выше взаимосвязь двух категорий. Раскроем ее сущность.

Во-первых, социальное неравенство – общепризнанный девиантогенный фактор (Гишинский, 2009: 169–188). Резкая поляризация общества, наличие большого процента бедных и безработных, разрыв в возможностях для удовлетворения потребностей различными категориями населения с неизбежностью провоцируют появление преступлений, совершаемых по экономическим мотивам, или из ненависти к обладателям более высокого дохода. Об этом говорят, в частности, теория напряжений Р. Мертон (Merton, 1938: 672–682), С. Месснера и Р. Розенфельда (Messner, Rosenfeld, 2001), и обновленные теории дезорганизации 1980-х годов. При этом авторы последней, Р. Берсик и Х. Грасмик, отмечают, что экономическая депривация не прямо влияет на уровень преступности, а посредством ослабления неформального социального контроля в территориальных сообществах (Bursik, Grasmick, 1993; Bursik, Grasmick, 1996).

Социальное неравенство с неизбежностью дистанцирует социальные группы друг о друга, ограничивает их коммуникацию (символический обмен и обмен информацией), снижает уровень взаимного доверия. Как следствие, уровень конфликтности в их отношениях может расти, угрожая социальному порядку. В такой ситуации неформальные способы контроля девиантного и делинквентного поведения не работают, уровень преступности растет и в ход идут силовые приемы. В качестве иллюстрации этой проблемы можно привести исследования, посвященные образованию городского андеркласса (urban underclass (Heisler, 1991: 455–483; Crowther, 2000: 149–167), truly disadvantaged (Wilson, 1987)) в американских городах. Переход к постиндустриальной экономике повлек рост безработицы среди рабочих мануфактурных производств и падение их уровня жизни. Недостаток образования создавал препятствия для переквалификации. В результате центральные районы проживания прежних рабочих, преимущественно афро-американцев, превратились в бедные неблагополучные кварталы (Wilson, 1991: 593-609), характеризующиеся социальной изоляцией (Green, 1991: 240-252) и высоким уровнем преступности. Жители гетто были убеждены, что полиция неспособна обеспечить порядок на их территории, а потому формальный контроль уступил место неформальной само-помощи, осуществляемой зачастую посредством насилия (Kubrin, 2005: 360–378).

Как пишет известный российский криминолог Я. И. Гишинский, значительное углубление степени социально-экономического неравенства в

масштабах мира, отмечающееся с к. XX века, представляется все более тревожным и криминогенным. При этом увеличение пропасти богатые/бедные, «включенные» (inclusive) / «исключенными» (exclusive) происходит и между странами, и между социальными слоями, и между группами, и между отдельными людьми. А процесс глобализации только усиливает эту тенденцию (Глобализация и девиантность, 2006).

Таким образом, следует заключить, что неравенство, с одной стороны, провоцируя рост девиантного поведения, запускает механизмы государственного контроля, а с другой, ослабляет неформальный контроль и провоцирует использование силовых методов борьбы с делинквенцией. Однако, возможна и обратная ситуация, когда практики контроля воспроизводят и конструируют неравенство.

Второй аспект взаимосвязи социального контроля и неравенства раскрывают, в частности, теории ярлыков и конфликтные теории девиантного поведения. Первые отмечают, что квалификация тех или иных действий индивида или группы, как девиантных носит характер стигматизации и осуществляется не на объективных, а произвольных основаниях (Becker, 1963; Schur, 1971). В свою очередь, социальный контроль, осуществляемый в форме изоляции, сегрегации, наказания и слежения специальными организационными структурами (полицией, судами, коррекционными учреждениями), способствует производству девиантных идентичностей (Sudnow, 1965: 257-276; Cicourel, 1968).

Тем самым, добавляют критически ориентированные социологи, социальный контроль оказывается реальным инструментом господства, облеченных властью (Liska, 1992: 345–354; Greenberg, Kessler, Loftin, 1985: 684–704; Turk, 1969), которые посредством «клеймения» и изоляции отдельных категорий населения дистанцируют их от сферы принятия решений и определяют в подчиненное положение. При этом «исключение» (как мера, формально использующаяся для защиты остального населения) из временного может перерасти в постоянное, провоцируя в будущем новые факты девиации. Как отмечает Я. И. Гишинский, создание концепта «опасного класса» („Dangerous class!“) – инструмент в наблюдаемом сегодня нагнетании страха перед преступностью. «Исключенные» („Dangerous class!“) мешают жить благополучным «включенным», и те усиливают репрессии в отношении первых» (Гишинский, 2006: 24). Так социальный контроль воспроизводит и конструирует неравенство.

Следует признать, что зачастую законодательство и правоприменение выражают не общую волю, а лишь интересы отдельных классов (Garland, 1990: 117). Так, в конце 1940-х годов Э. Сазерленд привлек внимание общественности к проблеме преступлений «белых воротничков», показав, что законодательство и санкции применяются избирательно в зависимости от статуса нарушителя порядка. Так можно заметить, что дела об уличных преступлениях разбираются в уголовных судах, а применяемые санкции носят жесткий характер и неизбежно ведут к стигма-

тизации обвиняемых. Преступления же белых воротничков попадают в гражданские суды и наказываются мягко, даже если речь идет о крупных суммах. С одной стороны, это обусловлено отсутствием явной жертвы во втором типе преступлений. А с другой стороны – властными ресурсами обвиняемых, которые позволяют им избежать всей суровости закона.

В конце 1970-х гг. Ф. Пирс (Pearce, 1976) и У. Чэмблисс (Chambliss, 1973: 430–444; Chambliss, 1973a: 24–31) на конкретных примерах показали, как законодательная и судебная системы, выражая установки, ценности и интересы высшего и среднего класса, дискриминируют бедных, а сами случаи преступлений используются для ополчения угнетенных членов общества против представителей их собственного класса и отвлечения внимания от фактов эксплуатации бедных богатыми. И если меры в отношении рабочих ужесточаются, преступления белых воротничков, а тем более могущественных членов общества скрываются и не получают огласки. У. Чэмблисс также указал на коррупционную природу законодательной системы Соединенных Штатов и включенную в нее организованную преступность (Chambliss, 1973b). Данные примеры иллюстрируют, как неравенство проявляется в порядке применения санкций. Следующий же покажет как последние в свою очередь способны это неравенство создавать.

Наиболее заметное воздействие на социальную структуру оказывает такой тип негативных формальных санкций, как заключение в тюрьму. Если обратиться к правоохранительной системе Соединенных Штатов, то следует констатировать, что в практике ее функционирования в последние сорок лет наблюдается усиление карательного элемента. За последние тридцать лет число заключенных в тюрьмах США выросло более, чем на 400% и достигло наивысшего уровня по миру с 2002 г. (Wakefield, Uggen, 2010: 387–406). При этом большинство из них – это мужчины афро-американцы с низким уровнем образования. К 30-34 годам только 3,2% белых мужчин заключались под стражу, среди же афро-американцев опыт лишения свободы к этому возрасту имеют 22% (Pettit, Western, 2004: 151–169). Следует отметить, что как показали эмпирические исследования, обусловлено это не только особенностями поведения двух категорий населения, но реальной «неравномерной» практикой детекции криминального поведения (Tonry, Melewski, 2008: 1–44). Так социально неблагополучные категории населения и представители национальных меньшинств чаще привлекают внимание стражей правопорядка. Но даже невзирая на истинные причины задержания и помещения в тюрьму, после освобождения опыт заключения оборачивается неравенством возможностей: возникают проблемы с поиском работы, получением социальных пособий, снижается уровень гражданского участия, уменьшается вероятность вступления в брак, а дети экс-заключенных подвергаются риску физического насилия и проч.

Обратимся теперь к обсуждению некоторых специфических черт современной системы контроля в связи с проблемой социального неравенства.

Как писал М. Фуко, репрессивный и дисциплинарный контроль в современном обществе были заменены на постдисциплинарный. Если репрессивный контроль «запрещает», дисциплинарный контроль «предписывает», то постдисциплинарный, руководствуясь принципом экономии усилий, старается выдержать допустимый уровень отклонений. Его методы кажутся более гуманными, рациональными, мягкими, но в то же время они незаметно проникают во все сферы жизни общества, усиливая возможности государственного контроля.

Современное общество М. Фуко охарактеризовал как общество безопасности (Фуко, 2011: 26), технологии контроля в котором направлены не на запрещение или предписание тех или иных типов действий, а на удержание их частоты в определенных пределах. Власть, таким образом, принимает любое отклонение и преступление как вероятное событие и планирует свои реакции в режиме калькулирования издержек (Фуко, 2011: 19). Обустройство особого пространства безопасности становится одним из главных признаков новой системы. Поэтому последователи М. Фуко называют современные техники контроля новыми формами пространственного управления (*spatial governmentality*) (Beckett, Herbert, 2008: 26). Им свойственны: во-первых, ориентация на социальные группы и городское пространство (а не отдельных индивидов); во-вторых, проактивность, нацеленность на предотвращение потенциально опасного поведения и изоляцию «проблемных» категорий горожан; и, в-третьих, тесная связь с экспансией рынка, как средства регулирования поведения и формирования идентичности. Как писал М. Фуко, эти технологии безопасности стремятся охватить все новые и новые сферы: производство, психологию, поведение людей, образ действия производителей, покупателей, потребителей, импортеров, экспортеров, мировой рынок в целом, что позволяет обеспечить развертывание широкого круга процессов, направленных на поддержание порядка (Фуко, 2011: 73). Следовательно, видимая свобода выбора может задаваться властным влиянием, а постдисциплинарные техники контроля проникать в частную сферу.

Развитие организационных систем, занятых исключительно контролем (постоянным мониторингом, категоризацией и оценкой) человеческих взаимодействий, выдвигает на первый план новые проблемы. «Мы живем, осуществляя множество институциональных практик, которые отслеживают и проверяют конформность» (Lianos, 2003: 412–430). Как отмечает М. Лианос, большой объем регуляции нашего поведения в современных обществах реализуется не сетями общественных отношений, а является результатом функционирования в институциональных рамках практик. Институциональный контроль часто воспринимается равно как полезный, иногда даже дающий свободу (*liberating*), и как налагающий ограничения. Он устанавливает предзаданную конфигурацию условий и часто входит в состав услуг, предоставляемых населению в целом, как возможным «пользователям». К примеру, для посетителей магазина наличие в нем охра-

няемой парковки с соответствующими персоналом и камерами наружного наблюдения может стать привлекательным преимуществом именно этой торговой точки. Контроль за багажом в аэропорту свидетельствует о проявлении заботы о безопасности пассажиров. Требование же «Не курить» на табличках гарантирует, что вы не будете окружены клубами дыма.

Институциональный контроль такого рода, с одной стороны, фрагментирует социальное окружение, так как стремится изолировать законопослушного пользователя от представляющих опасность Других («воров», «террористов», «курильщиков»), а с другой, производит определенные социальные идентичности и идеотипические ситуаций. Институциональный контроль не является ни интересубъективным, ни групповым. Напротив, он безличен по происхождению и атомизирован в восприятии.

Технологический прорыв второй половины XX позволил усовершенствовать и расширить сеть технических средств контроля, осуществляющих защиту, мониторинг и слежение. Сегодня технический контроль – заметная составляющая повседневной жизни. Различное охранное оборудование (камеры слежения, датчики движения и проч.), телекоммуникационные технологии, средства мобильной связи и т.д. позволяют практически в любой момент времени установить место нахождения человека и определить, что он делает. Контроль, действительно, стал всепроникающим. Интерес к социальным последствиям развития технического контроля со стороны критической социологии привел к тому, что социальный контроль снова стал пониматься широко и его объектом стало все общество, а не только девианты или преступники.

Интенсивное развитие техники в XX стало опорой постдисциплинарного контроля. Яркой чертой современности стало изменение пространственной архитектуры контроля, поддерживающей пространственную и социальную эксклюзию. Все большую популярность сегодня завоевывает модель «локального порядка». Новейшие технологии наблюдения и слежения позволяют создавать в социальном пространстве зоны неравного доступа, открытые только определенным категориям лиц. При этом контроль осуществляется преимущественно удаленно, сокращается процент контролеров-людей, стоимость контроля снижается, а его пространство расширяется (Marx, 1995). Оказывается, что воздействовать на сознание потенциального правонарушителя, перевоспитывать преступника или менять мотивацию девиантов не обязательно. Экономичнее и эффективнее для спокойствия обывателей отгородиться от всего, представляющего опасность, используя архитектурные методы социальной эксклюзии. Истоки такой политики исключения можно обнаружить в возрастающем страхе общества перед преступностью, иммиграцией, отдельными группами людей («moral panic»²) и незащищенностью в целом, тенденции восприни-

---

² Например: McLuhan, 1964; Garland, 2008: 9–30; Cohen, 1973; Ben-Yehuda, Goode, 1994.

мать мир через категории угрозы и оценку вероятности неблагоприятного («dangerisation»³).

Планировка физического пространства, как писал М. Фуко, – это мощное средство для внедрения ценностей и норм, которое может использовать элита (Foucault, 1984). Однако, есть мнение, что массовое распространение новых информационно-коммуникативных технологий, в особенности мобильных средств коммуникации, разрушает архитектурно-пространственное доминирование общественного порядка (Гладарев, 2005: 16–31). В качестве примеров приводят использование мобильного телефона во время экзамена, солдатом при прохождении службы в армии, пациентом в больнице, при арестах полиции для «мобилизации поддержки со стороны социальной сети задержанного», для ускорения делопроизводства за счет «перепрыгивания» бюрократических барьеров. Однако пространственная эксклюзия как технология социального контроля по-прежнему эффективна и вместе с техническим контролем оказывается средством сохранения и конструирования социально-пространственного неравенства. Техники мониторинга и слежения позволяют осуществлять социальную сортировку (social sorting) и контроль поведения определенных категорий населения (Monahan, 2008: 217–226). Такие возможности теоретически есть у всех: у государственных, общественных и частных агентов. На практике же в полной мере ими пользуются либо государства, либо владельцы значительных финансовых ресурсов. Тем самым неравенство налицо. Реальный доступ к инструментам контроля открыт не всем. Их же использование в сегментации пространства воспроизводит и конструирует неравенство. Создаются, с одной стороны, высоко защищенные зоны с ограниченным доступом в них сторонних лиц, а с другой стороны, возможна ситуация появления «карантинных зон», с ограниченным выходом.

Таким образом, современные техники социального контроля ставят новые острые вопросы, требующие комплексного изучения. Их можно концептуализировать следующим образом:

1. проблема неравного доступа личности к безопасности как благу;
2. проблема государственного обеспечения равного доступа граждан к такому социальному благу;
3. перспективы соотношения социального неравенства и постдисциплинарного контроля и использование последнего для элиминирования неравного доступа к безопасности;
4. проблема реанимирования неформального контроля посредством повышения уровня доверия и социального капитала социальных групп и населения в целом.

---

³ См.: The Widening Web of Control. A Human Right Analysis of Public Policy Responses to Crime, Social Problems and Deviance: Draft Report by International Council of Human Rights Policy. February 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.crin.org/docs/Int_Web_control.pdf (дата обращения 09.12.2012).

Список литературы

- Гилинский Я. И. (2009). Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К.Маркса до С.Олькова) // Экономика и право / ред. А. Заостровцев. СПб.: Наука.
- Гилинский Я. И. (2006). Социальный контроль над девиантностью: локальные и глобальные тенденции // Девиация и делинквентное поведение: социальный контроль. Сборник материалов международной конференции. Н. Новгород: НИСОЦ, Том 1.
- Гладарев Б. С. (2005). Новые коммуникационные технологии: игры контроля // Человек. Сообщество. Управление. №1, С. 16-31.
- Глобализация и девиантность (2006). ред. Я. Гилинский. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Фуко М. (2011). Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука.
- Akers R., Hawkins R. (1975). Law and control in society. Prentice-Hall.
- Becker H. (1963). Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York: Macmillan.
- Beckett K., Herbert S. (2008). Dealing with disorder: Social control in the post-industrial city // Theoretical Criminology. Vol. 12. № 1. pp. 5-30.
- Ben-Yehuda N., Goode E. (1994). Moral Panics: The Social Construction of Deviance. Oxford: Blackwell.
- Bursik R., Grasmick H. (1996). Neighborhood-Based Networks and the Control of Crime and Delinquency // Criminological Theory and Public Policy. Ed. by Barlow H. Boulder: Westview Press.
- Bursik R., Grasmick H. (1993). Neighborhoods and crime: The dimensions of effective community control. New York: Lexington Books.
- Chambliss, W. (1973), Elites and the Creation of Criminal Law // Sociological Readings in the Conflict Perspective. Ed. by Chambliss W. Reading, Mass.: Addison-Wesley, pp. 430-444.
- Chambliss, W. (1973a), The Saints and the Roughnecks // Society. Vol. 11(1). pp. 24-31.
- Chambliss, W. (1973b), Vice, Corruption, Bureaucracy, and Power // In Chambliss, W. (Ed.) Sociological Readings in the Conflict Perspective. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
- Cicourel A. (1968). The Social Organization of Juvenile Justice. New York: John Wiley and Sons.
- Cohen S. (1973). Folk Devils and Moral Panics. St Albans: Paladin.
- Crowther C. (2000). Thinking About the 'Underclass': Toward a Political Economy of Policing // Theoretical Criminology. № 4 (2). pp. 149-167.
- Day P. (1989). A new history of social welfare. Prentice Hall.
- Day P. (1981). Social work and social control. Taylor & Francis.
- Field F. (1970). Freedom and Control in Education and Society. Crowell.
- Foucault M. (1984). Space, Knowledge and Power // The Foucault Reader / Ed. by Paul Rabinow. New York: Pantheon Books.
- Garland D. (2008). On the Concept of Moral Panic // Crime, Media, Culture. Vol. 4. № 1. pp 9-30.
- Garland D. (1990). Punishment and Modern Society. Chicago: University of Chicago. P. 117-20.

- Gough I. (1979). *The political economy of the welfare state*. Macmillan.
- Green R. (1991). Poverty Concentration Measures and the Urban Underclass // *Economic Geography*. № 67 (3). pp. 240-252.
- Greenberg D., Kessler R., Loftin C. (1985). Social Inequality and Crime Control // *The Journal of Criminal Law and Criminology*. Vol. 76. No. 3. pp. 684-704.
- Heisler B. (1991). A Comparative Perspective on the Underclass: Questions of Urban Poverty, Race and Citizenship // *Theory and Society*. № 20 (4). pp. 455-483.
- Kubrin Ch. (2005). Gangstas, Thugs and Hustlas: Identity and Code of the Street in Rap Music // *Social Problems*. № 52 (3). pp. 360-378.
- Lianos M. (2003). Social Control after Foucault // *Surveillance and Society*. № 1 (3). pp. 412-430.
- Liska A. (1992). Social Structure and Social Control: Building Theory // *Law & Society Review*. Vol. 27. № 2. pp. 345-354.
- Marx G. T. (1995). *The Engineering of Social Control: The Search for the Silver Bullet* // J. Hagan, R. Peterson „Crime and Inequality“, Stanford University Press. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.mit.edu/gtmarx/www/bullet.html> (дата обращения 09.12.2012).
- McLuhan M. (1964). *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: Signet.
- Merton R. (1938). Social Structure and Anomie // *American Sociological Review*. Vol. 3. № 5. pp. 672-682.
- Messner S., Rosenfeld R. (2001). *Crime and the American dream* (3rd ed.) Belmont, CA: Wadsworth.
- Monahan T. (2008). Surveillance and Inequality // *Surveillance & Society*. № 5(3). pp. 217-226.
- Pearce F. (1976). *Crimes Of The Powerful*, London: Pluto Press.
- Pettit B., Western B. (2004). Mass imprisonment and the life course: race and class inequality in U.S. incarceration // *American Sociological Review*. № 69(2). pp. 151-69.
- Schur E. (1971). *Labeling Deviant Behavior: Its Sociological Implications*. New York: Harper and Row.
- Skolnick J. (1966). *Justice without Trial: Law Enforcement in Democratic Society*. New York: Wiley.
- Sudnow D. (1965). Normal Crimes: Sociological Features of the Penal Code in a Public Defender Office // *Social Problems*. Vol. 12. №3. pp. 257-276.
- The Widening Web of Control. A Human Right Analysis of Public Policy Responses to Crime, Social Problems and Deviance: Draft Report by International Council of Human Rights Policy. February 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.crin.org/docs/Int_Web_control.pdf (дата обращения 09.12.2012).
- Tonry M., Melewski M. (2008). The malign effects of drug and crime control polices on black Americans // *Crime and Justice*. № 37(1). pp. 1-44.
- Turk A. *Criminality and Legal Order*. Chicago: Rand McNally, 1969.
- Wakefield S., Uggen C. (2010). Incarceration and stratification // *Annual Review of Sociology*. № 36. pp. 387-406.
- Willis P. (1977). *Learning to labour: how working class kids get working class jobs*. Saxon House.
- Wilson W. (1987). *The Truly Disadvantaged: The Inner City, The Underclass and Public Policy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Wilson W. (1991). The Truly Disadvantaged Revisited: A Response to Hochschild and Boxill // *Ethics*. № 101 (3). pp. 593-609.